

Ай-яй, туман в глазах

Нина Горланова, Вячеслав Букур

Нина Викторовна Горланова и Вячеслав Иванович Букур встретились в пермском университете и поженились в 1974 году. Они и сегодня живут в Перми, пишут в соавторстве (первая совместная повесть — «Учитель иврита», 1985 год). Десятки их произведений напечатаны в толстых литературных журналах, изданы отдельными книгами. В 1995 году в «Новом мире» был опубликован «Роман воспитания», прототипом главной героини которого, Насти («Том Сойер в юбке»), стала приемная дочь авторов; кроме нее в романе читатель встречает также их четырех родных детей. Этот роман был удостоен премии журнала как лучший роман года, а в 1996 году он вошел в шорт-лист премии Букера.

Нина Горланова пишет и свою прозу, а также стихи и картины (прямо пальцами, на досках или на всем, что окажется под рукой). Свои картины она дарит друзьям и знакомым. (Ее проект: «Картину Горлановой — в каждый пермский дом»; по словам Букура, для этого нужно прожить еще всего лишь двести лет.) Нина Викторовна и нам их прислала; вы тоже можете посмотреть на них — они напечатаны на четвертой странице обложки

— **Ч**то вы здесь такие сидите? — закричала Лена. — Сами хотели сосватать меня с букинистом!

— Он теперь бывший букинист: уволен после запоя. Заходил к нам. И знаешь, уже пахнет.

— Русью? — запечалилась Лена. — Русью пахнет? А может, я бы его переделала...

В ее голосе появились золотисто-теплые тона, как в хорошем вине.

Нет, говорили хозяева, у него раньше нос был идеологического цвета, теперь цвет государственного флага сменился, и у него нос опять совпадает — там явно проглядывает триколор... Но Лена запустила в них убийственным аргументом:

— Мне опять, что ли, на батуте в новогоднюю ночь прыгать! В обществе таких же пятидесятилетних дур, как я...

Она работала администратором в театре, куда к новогодним каникулам всегда привозили батут для кипучих детей.

— А по статистике, одинокие женщины живут дольше, чем замужние.

— Не нужна мне такая долгая жизнь. Зачем она?

— Возможно, мы тебя познакомим! Но с другим — с Михалычем! Если он придет. — Хозяева стали нахваливать нового соседа по подъезду, которого все зовут Михалычем, а на самом деле он Вадим Бориславович (овдовел, с детьми поменялся, сам в однокомнатную съезд). — Первый гост: чтобы гости не переводились!

Лена слушала, становясь все более губастой. Она сделала себе к вечеру прическу в виде двух рек волос, протекающих по обе стороны лица. Кем же работает Михалыч, поинтересовалась она.

— Есть такая профессия — хижины украшать.

— Дизайнер, что ли? Ну что ж, я тоже из интеллигентной семьи. Моя бабушка в тридцатые годы играла в казино.

— Главное, не пьет наш Михалыч, — отчаянно твердили как заклинание хозяева. — Выпивает, но не пьет.

Этими заклетьями они боролись с образом пьющего сына, который то отдалялся, то назойливой мухой зависал над каждым.

— Ну что вы забуксовали: сын, сын. Сделайте же что-нибудь: почесайте себя под правой коленкой... Думаете, трезвенники всегда лучше? вспомните, как подсунили мне непьющего. И что же? Он предложил покурить анаши.

Тут пришли Хромовы, и Лена кинулась к ним: у вас-то с сыном все в порядке — Гоша ведь не пьет, не курит, в школе — золотая медаль, а в вузе — красный диплом!

— И сам он у нас красивый.

Гости выглядели еще более загнанными, чем хозяйка. Они рассказали, разбивая подступающие слезы мелкими стопками, что их Гоша вляпался в троцкизм, ходит в их кружок.

— Вчера снова Гоша был на троцкистском кружке, — в отравленном оцепенении продолжала Инна Хромова. — Ходили они по стеклу.

— По стеклу! Тогда это кружок имени Рахметова какого-то.

— Платят за это стекло психологу... Чтобы научиться впадать в транс. Гоша говорит: нужно быть особым человеком для будущей борьбы с глобализмом. — Тут стопка вовремя не подоспела, и мать троцкиста зарыдала: — Я ему одно — миллионы погибли из-за таких идей! А он как робот: «Потому и погибли, что не понимали своего счастья». Я ему: «Да Троцкий не лучше Сталина был бы».

Родители пьющего вынесли приговор: все коммунисты — шизофреники.

— Значит, наш Гоша болен? — спросил Игорь Хромов. — Но нет, если бы шизофреники, то были бы не виноваты.

Лена смотрела на друзей как на капризных богачей: у них есть сыновья! А у нее уже не предвидится. Тут между всеми обнаружился кандидат в ее кавалеры, украшатель хижин.

И в самом деле оказался — ну один к одному Михалыч!

Он и до этого подозревал, что его приглашают не просто так, а знакомиться. Ну а что, дома лучше, что ли, — сжимающие тоскливые силы трамбуют тебя почти до точки.

— Глядя на все эти достойные лица, я хочу сказать тост. — Михалыч поднял крохотную черненую стопку. — Вот я ходил в гости к внуку и читал ему «Сказку о рыбаке и рыбке». Знаете: это же притча о человечестве, которое хочет все больше потреблять, а может оказаться у разбитого корыта...

— Так где же тост-то? — застонала Лена. (Те, которые говорят о человечестве, ни фигу не разбираются в женской красоте!)

— Э... мысль прячется за холестеринистой бляшкой, застревает. — Михалыч потряс гофрированной жиром головой.

Вот так-то лучше: о холестерине. Ближе к жизни. Поэтому Лена весело воскликнула:

— Выпьем за то, чтобы мысль пробивала все преграды!

В нижней квартире женский пронзающий голос вывел:

— Однажды морем я плыла на пароходом...

С невозмутимым видом Михалыч подтянул:

— Ай-яй, туман в глазах, кружится голова, — голос его переливался, как северное сияние.

Хромовы подхватили вразвал:

— Едва стою я на ногах, но я ведь не пьяна...

Эта песня — не их песня, но случай ее послал, а случай надо уважить. И вот они скользят от одного слова к другому, ожидая, ну когда же будет встреча мужского и женского начал. Кит-капитан уносит по морю любви в сладкое!

Тут и Лена подхватила — по-своему: руки раскинула по-кавказски, подпрыгнула с вывертом и вошла в волны песни. Показав, как сопротивлялась злодейскому обаянию капитана, покорно склонилась влево, как двурукая ива. А потом вообще поникла на диван, как бы под порывом горячего ветра. Но песня не дала ей лежать: она сорвала ее, подбросила, начала вскидывать руки, ноги, показывая узорные черные колготки. А кто же в этом виноват — конечно, капитан.

Михалыч поддался этому миру, который сотворил танец Лены. Но тут же спохватился: зазвали! Эта Лена — вулкан в юбке, ей не хватает устройства под названием мужик. Да, она красивее моей жены. Но я потерял немного: десять лет, двадцать — и там с женой встречусь.

Конечно, Лена танцует... Но какие салаты готовила моя голубка — ни с каким танцем не сравнить! Салаты она любила ставить стоймя: хоть один лист да стоит стоймя. Одним словом: жена дизайнера.

А переспать с плясуньей? — шепнули ему гормоны. По-современному, в любовницы если. Но это будет уже не жена, которой можно все объяснить: устал там я сегодня или не в настроении.

И зачем ему Лена, если в запасе памяти — цветущая яблоня на даче, вся белая и гудит! Это пчелы: в каждом цветке по пчеле, и идет работа. А ведь у них нет никакой личной жизни, но работают, и еще как! Равняйся на пчел, и так можно терпеть.

— Только раз бывает в жизни встреча, — затынул он.
— Эх раз, еще раз! — пыталась перебить его Лена.

Но все-таки она поняла, что ей не втиснуться в душу Михалыча, и мстительно заявила:

— Вчера слышала по телевидению: от икоты поцелуй помогает!

Вдруг Михалыч икнул. А Лена почувствовала, что... не хочет ему помогать. Одно дело — мужик в телевизоре, ему чем угодно хочется помочь, а другое — сидит по эту сторону экрана, подвыпил и мучается. А вдруг он это делает, чтобы...

Дальше все произошло мгновенно: звонок, сквозняк, и человек в коридоре с сумкой на плече: «Вам привет от доктора Бранда!» Потом вспомнились только ярко-красные губы и какая-то подземная бледность. Этот длинный человек заструился, приподнялся над полом, снова вскричал:

— Системный массажёр! Лечит ну всё! В расцвете лет — проблемы вдруг, но тут как тут Академия наук...

— А дорого?

— Всего тысяча двести рублей... Вот смотрите: я вставляю батарейки, их ресурс — на весь курс. Теперь подставьте руку! — послал он властный пасс и волшебной клешней массажёра прикоснулся сначала к женскому, а затем к мужскому запястью.

И чудо-клешня стала посылать щекочущую дрожь. Они захохотали враз от этой техногенной ворожбы — и муж, и жена... Очнулись только тогда, когда массажёр не работал, а торговец окончательно развеялся, предварительно побряцав ему одному видимыми орденами — «За поучение лохов».

О, тысяча двести! На них сколько же можно было купить! И заусенцы по одной стороне клешни просто-душно говорили, что прибор даже не китайский, а изготовлен в подвале соседнего дома.

— Он с сумкой? — спросила Лена, хватая пальто.

Михалыч выскочил вместе с ней. Разговоры — это вдох! А дальше нужен выдох — задвигаться, вспылать, полететь, восстановить справедливость! Они помчались вниз по раздолбанной лестнице, которая пыталась образумить бегущих и старалась вывихнуть их лодыжки. Надписи проносились снизу вверх: «Петька — лох, объелся блох, подавился и подох».

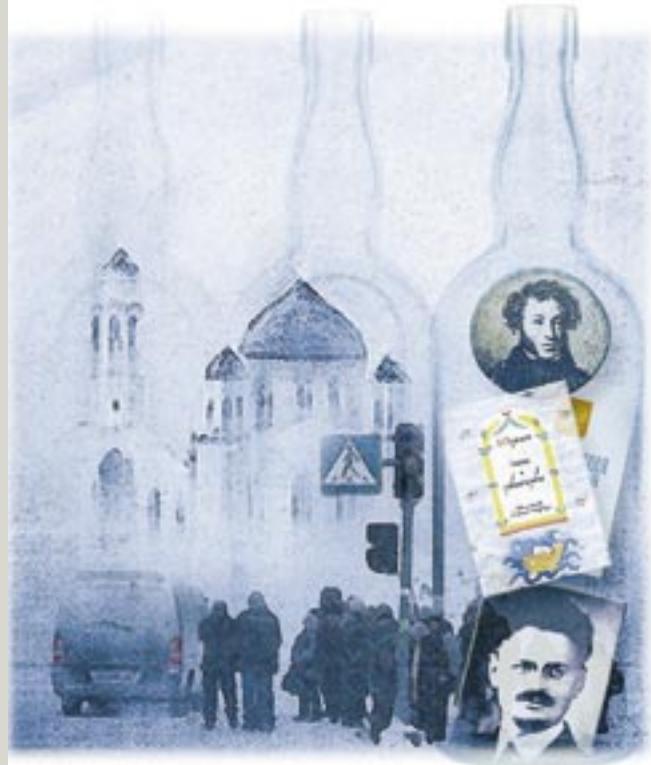
— Выбегаем из подъезда: вы — направо, я — налево!

— Лена, одна вы с ним не справитесь!

Выскочив из подъезда с его творческими миазмами, сразу увидели зыбкую фигуру в перспективе сходящихся домов. Молча, по-волчьи, они бросились вдогонку. А он, сделав вид, что это не он, быстро спросил: «Где здесь пятый подъезд?»

— Возле четвертого, — тяжело дыша, ответил Михалыч.

Ай-яй, туман в глазах

Молодой дистрибьютор увидел, что этот мужик похож на мафиозо средней руки, и никуда не побежал, а только заблеял: «У меня мама больна!»

— Но ты-то сам *пока* еще здоров, — со значением сказал ему Михалыч. — Давай деньги! А твой чудо-массажёр мы тебе вернем.

Отдав деньги, офеня двадцать первого века пошел за Леной и Михалычем как на веревочке.

Дальше наступил торжественный момент, похожий на картину Веласкеса «Сдача Бреды»: Михалыч величественно вручил хозяевам тысячу двести, они по-королевски брезгливо возвратили флибустьеру уральских просторов безжизненную черную клешню.

Огрызки эстетического чувства подсказали «истребьютеру», как завершить ситуацию. Неизвестно откуда налившись силою, он промолвил сочными губами с видом богатого, щедрого родственника:

— Я к вам еще зайду. Попозже.

И исчез в теле Руси.

А Лена! Она стояла перед всеми, благоухая своими усилиями, и реки волос — что с ними стало! Слово они пережили поворот рек.

После этого, само собой, выпили-крякнули.

— Есаул, саблю! — Михалыч боднул воздух лысой гофрированной головой.

Лена посмотрела на него с напряжением.

— Мы не алкоголики, хоть и выпиваем, — объяснил ей Михалыч.

— И не троцкисты, хоть и за справедливость, — подхватили хозяева.

Гоша — тогда еще не троцкист — защищал диплом о Нашем всём. И сказал вместо «Александр Сергеевич Пушкин» — «Александр Петрович». Всё! Оппонент кулем брякнулся на стол в судорогах смеха. Зал ученых людей начинал смеяться каждый раз, когда звучало «Александр...».

После этого Гоша твердо решил: он не будет Епиховым, за счет которого все чувствуют себя полноценными.

Он почти незаметно отчалил от литературоведения: поступил в аспирантуру по педагогике, съездил в Бостонский университет по обмену, написал повесть об этом и опубликовал ее в журнале «Парма». Никто не отреагировал.

Тогда Гоша организовал свое издательство, и даже в мэрии кое-кто с заведомым теплом отнесся к новой фирме. Но надо было пару раз ритуально ударить челом то ли в направлении Госимущества, то ли... В общем, издательства у него уже нет, а есть работа в типографии, и платят неплохо.

И чего Гоше не хватает?

А Троцкому чего не хватало? Отец его был одним из немногих еврейских помещиков, детство Левы прошло в роскоши.

— Гоше не хватило терпения, — вещал отец алкоголика. — Уже все знают, что революционерам не хватало этой драгоценности — терпения.

— Слишком медленное развитие — тоже плохо, активным людям некуда сбрасывать свою силу. Царизм ну очень медленно эволюционировал... Вот и получилась революция.

— Ну почему же история никого не учит?

— Учит, но только тех, кто хочет учиться.

Но вдруг все склубились в одно веселое тело. «А-а-дин са-алдат на свете жил, красивый и отважный...»

Однако уже через пять минут мать алкоголика тихим голосом вдруг начала: куда что девается-то! Сын в детстве такой был... видел, что в слове война есть вой, а какие вопросы задавал: «Почему жареное вкуснее вареного?» А теперь на его лице один-единственный вопрос: «Чего бы еще выпить?»

— Он прошел трудный путь от начальника партии до лаборанта... — это было начало речи, так и не законченной его отцом.

— Видела в бухгалтерии цветок: внутрь себя цветет! Надо же, среди растений есть тоже... А когда отцветет, коробочка открывается, и семена высыплются наружу все-таки.

— Так у нашего тоже семена наружу! Внука-то он нам родил. Ты видела, как чеснок пророс у нас в холодильнике — при пяти градусах! И не просто пророс, а заветвился обильно! Тогда обещала мне пример брать с чеснока — учиться стойкости, а сама...

Вдруг все бросились рассказывать друг другу о чудесах. Даже окно разинуло рот-форточку, впустив ворих веселого снега.

Хромовы поведали историю о ведре снега:

— Только что слышали на остановке. Одна женщина — другой, про брата. Брат ее алкоголик, приносит домой ведро снега, садится, берет ложку и начинает есть. Она в ужасе вызывает психбригаду. Не едут, говорят: не агрессивный. — Неожиданно Инна резко перешла на точку зрения женщины с остановки (тут не точка зрения, целая площадка!). — И хорошо, что психбригада не приехала! Доедает братик ведро снега и бросает пить. На работу устроился...

— Женщины вокруг зашевелились! — подсказал Михалыч.

— Не исключено.

— Ведро снега съел! — вскрикнула мать алкоголика. — Обет дал или что?

— Никто на остановке так этого и не понял.

Наступила очередь матери алкоголика.

— А у нас на работе вообще вот какая история. К одному солдату в Чечне приехала мать. И попросила командира отпустить ее с сыном погулять вокруг части. Тот почему-то согласился. Походили, поговорили. Вдруг услышали разрывы. «Мама, это минометы по нам работают, я должен бежать». Прибежал, а из части никого в живых не осталось. Пишет он матери: «Мама, меня спас твой приезд. Спасибо тебе за это». Она ему отвечает: «Сынок, я никуда не ездила, мне некогда, я весь отпуск на огороде и молюсь Богородице о тебе...»

— И все, что ли? — спросил отец троцкиста. (Он с женой ждал, когда же будет чудесное исцеление от троцкизма.)

Это был День конституции, и конституция ждала, когда же о ней заговорят. Потом она дождалась: Михалыч вспомнил предлог, из-за которого состоялся весь их сбор:

— Выпьем наконец за конституцию! Она у нас, кстати, хорошая.

— Плохих конституций не бывает, — заметил отец алкоголика.

В ответ отец троцкиста плотоядно улыбнулся, как бы говоря: эх, будь у этой конституции широкие бедра да грудь, я бы знал, что с ней делать! После этого он напел:

— Ай-яй, троцкизм в глазах. — И вдруг жадно стал доедать салат из морской капусты, принесенный Леной.

— Игорь, хватит жрать, — сурово останавливала его жена.

Но он не успокоился, пока все не съел, сгоряча заодно прикончив кальмаров, тоже Леной приготовленных. Чем бы еще победить троцкизм, думал он, оглядывая стол.

Утром хозяйева, то есть родители алкоголика, говорили, наводя порядок:

— Если бы нам сказали: «Выбирайте! Ваш сын будет троцкистом или пьяницей?», так мы бы ответили: пусть лучше пьет.

— Да, алкоголик лучше троцкиста.

Тут сразу же позвонила невестка. И она еще говорила: «Здравствуйте, это Галя», а у них уже тревожная сигнализация включилась, задергались мышцы, запрыгали веки. И не зря: через уши — двери мозга — вломились грабители. Хотя с виду это были тихие слова Гали:

— Я хочу с вами посоветоваться... Что делать? Он вчера опять напился, пришел в четыре часа утра с шабашки, не помнит, где потерял дрель за шестнадцать тысяч...

— За шестнадцать тысяч... — вторили родители.

— Приходили, взяли расписку, что вернет в течение месяца...

— В течение месяца... Галя, вот что, слушай: мы всё обсудим, потом тебе позвоним.

Взяв таким образом передышку, мать алкоголика схватила сумки и побежала на рынок. Муж встрепенулся и стал размышлять, как ослабить давление жизни. То ли поправиться рюмкой, то ли супчиком горячим.

Жена в это время брела, отплевывалась от метели и бормотала:

— Алкоголик не лучше троцкиста! Оба хуже! Вместе записались в интернационал зла. — Она взмахивала двумя сумками, как курица крыльями. — У одного гордыня через алкоголизм выходит, а у другого — через троцкизм. Ах, вы меня не признали, так я вам всем покажу...

Не помня, как наполнились сумки, вся в поту, в снегу, с перекошенным от ледяного ветра лицом, она ввалилась в детскую поликлинику, с мерзлым грохотом пробежала в холл, за шторку.

Ай-яй, туман в глазах

Дело в том, что за несколько лет до этого жена главного врача опасно заболела и дала обет открыть часовню, если выздоровеет. Вот и открыла.

Напротив часовни дверь была распахнута — там дежурил врач неотложки. Он посмотрел на эту разваленную на полкоридора женщину, которая с набитыми сумками сразу лезет к иконам. Снег могла бы отряхнуть! Где же уважение к святыням! Но уже привык, что так и лезут, без конца молятся за своих детей. Ошибок наделают, не закаляют, а потом осложнения!

Когда она оказалась дома и услышала, как сумки со стуком брякнулись на пол, муж приканчивал тарелку густого горячего супа.

— Как рано темнеет: включи свет! Знаешь, я тут насчитал, — говорил он в промежутках между ложками, — что закодировалось уже восемнадцать знакомых.

— Нашему заразе тоже давно уже пора. Я даже молиться за него не могу, так, деревянно, как-то перед иконами отчиталась. — Но перекосы каким-то образом испарялись с ее лица.

А муж свое:

— Недопекин закодировался, Юрий закодировался, Перепонченко тоже, когда руки в сугробе чуть не отморозил.

— А букинист? Кодировался, но запил.

— Это один, а восемнадцать уже навсегда не пьют!

Завязался спор: навсегда или не навсегда. В результате через полчаса:

а) селедка протекла на хлеб;

б) слиплись вареники с капустой;

в) муж долго и безуспешно гонялся по квартире за женой, которая убежала с криком «Пост! Пост!»;

г) робко посеялся росток надежды высшего качества, то есть совершенно беспочвенной, на то, что сын излечится от алкоголизма.

А в это время Лена и Михалыч вошли в спальню, начали раздеваться, погасили свет... А что же дальше? Опять та самая проклятая неизвестность!

Тут еще не хватает костюмов и носов для родителей троцкиста и алкоголика, но так за них болит все, что если будем лишние три дня их проявлять, то вообще занежем. А кому это нужно?

Рисунок Т. Кудрявцевой